

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

Журнал
сцена -
1996 -
25.01.96
1 февр. - 9
97

После долгого ремонта в здании театра, после триумфальных гастролов по Австрии открыл в Москве свой юбилейный, 65-й сезон "Ромэн". Открыл своего рода "визитной карточкой" театра, обозрением "Мы - цыгане", на протяжении вот уже многих лет пользующемся любовью и поклонением зрителей России, Европы, Японии. И сколько же восторженных зрителей, с нетерпением ждавших возвращения театра из гастрольной поездки, собралось в этот вечер! Давно мне не приходилось видеть у парадного подъезда московского театра такого количества оживленных, наряженных, улыбающихся людей.

Этот сезон, точнее, весь 1996 год,

для "Ромэна" празднично-ответственный. 65 лет назад открылась цыганская студия: это произошло в январе, а в декабре того же, 1931 года, студия стала театром — не только по названию, в первую очередь, по серьезности, содержательности работы с молодыми людьми, приходившими сюда из самых разных мест, где кочевали разноцветные кибитки. Одаренные от природы вокальными данными, от Бога получившие дар зажигать людям кровь своими песнями и ритмичными движениями, молодые люди проходили здесь актерскую школу, шлифовали талант, обретали свой особый, неповторимый мир, обогащая националь-

Непобедимое очарование

ную культуру традициями Художественного театра. И оттачивалось то "непобедимое стихийное очарование", что, по словам Куприна, от века заставляло людей всех национальностей "плакать, безумствовать, восторгаться..."

В последнее время наша тяга к цыганскому искусству как будто немного ослабла. Та кажущаяся воля, которую мы обрели, привела с собой совсем другие "выплески" эмоций — все, недоуздочное прежде, заполонило эфир и страду, пытаясь стать символом и знаком нашей обретенной "воли". Но, как известно печально и давно, подлинная воля в символах и знаках невыразима, она живет в крови, пронизывая каждую клеточку человеческого существа, она выплескивается сильно, страстно, горячо и не передается ни по наследству, ни по указанию сверху.

Впрочем, с наследством я что-то потерялась. Откуда, как не из глубины веков, пришла к сегодняшним артистам театра "Ромэн" та поразительная сила, что переливается со сценических подмостков в зрительный зал, заставляя множество людей жить, дышать, плакать и улыбаться, словно это не многолюдное собрание, а один человек? Заставляя чуть слышно подпевать и едва заметно двигаться в такт старым цыганским песням и танцам?

Нет, многого мы еще не знаем: ни про этих красивых людей и их загадочной судьбой и многовековым опытом кочевья, ни про их завораживающее искусство, пробуждающее в каждом из нас словно какую-то глубинную, первобытную память о прошлом. Может быть, нашему собственному. Может быть, параллельному, но очень в чем-то близком. И словно начинается какая-то совсем другая жизнь, потаенная, просыпающаяся в нас по мановению невидимой, но несомненно волшебной палочки.

Этой волшебной палочкой владеют те, кого мы давно уже знаем и любим в театре "Ромэн" — Б.Ташкентский, И.Морозова, Е.Жемчужная, И.Некрасова, П.Бобров и многие другие. Но ве силу знают и уже уверенно пробуют те, кто моложе, — Н.Сергиенко, Р.Лекарева, Т.Черная, Д.Колпакова, и те, кто совсем недавно в труппе Цыганского театра и чьи имена еще не запомнились зрителю. Но помнятся лица — с ними связываются наши ожидания.

"Было время, когда на Руси ни одной музыки не любили больше цыганской, когда цыгане пели русские старинные хорошие песни... Цыганская музыка была у нас в России единственным переходом от музыки народной к музыке ученой", — писал Лев Николаевич Толстой. Почему-то мне кажется, что время это не ушло бесследно. И не только потому, что оно запечатлелось и живет, волнует, захватывает в великих страницах русской классической литературы — у Пушкина и Толстого, у Леокова и Куприна. Потому еще, что всеми чувствами переживая спек-

такль "Мы — цыгане", мы, зрители, готовим себя к финалу — к тому моменту, когда рассядутся на разных уровнях сцены молодые актрисы, а их пестрые юбки как будто сами собой лягут на пол живописнейшими складками: когда словно обрувятся последние гитарные переборы, и в тишине, откуда-то сбоку выйдет на сцену Николай Сличенко. Не под аплодисменты (они будут чуть позже), а под затанное дыхание зала, потому что бывает такой миг в зрительном зале, когда замираешь в ожидании чуда.

И оно не заставляет себя ждать, потому что голос, жесты, нетускнеющая красота Николая Сличенко — это наше национальное достояние. Артист обладает какой-то тайной силой, заставляющей нас забыть обо всем на свете, кроме того, что свершается сию секунду на наших глазах. Своим голосом, своей пластикой Сличенко словно осторожно вынимает каждого из нас из "индивидуального панциря", заставляя обрести некое коллективное чувство. Чувство, в котором причудливо смешиваются горечь и радость, страдание и счастье, мука и восторг раскрепощения. Да, это не свобода, а воля. Та самая воля, что порой приоткрывается нам, но для того лишь, чтобы снова спрятаться куда-то глубоко, далеко, туда, куда вход нам заказан. Ибо войти туда могут лишь те, кто наделен от Бога непобедимым очарованием, заставляющим людей плакать, безумствовать, восторгаться...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.